

Московские лингвисты: биографии и воспоминания

М.Р. Кауль

Розалия Семёновна Гинзбург (1907–1978) – педагог и организатор науки: памяти дорогого Учителя

Статья посвящена памяти известного учёного-лингвиста и педагога Розалии Семёновны Гинзбург, которая внесла существенный вклад в становление теории семантики и общей теории англистики и практики лексикографии. Особое внимание уделено педагогическим методам Розалии Семёновны, её профессиональным и нравственным урокам, которые с благодарностью вспоминают её многочисленные ученики.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, словарь, теория словосочетаний, основатель научной школы, методы обучения молодых лингвистов.

Трудно было вывести эту дату, потому что не укладывается в голове, что всё это было так давно – 40 лет как мы без неё, и все 40 лет она с нами. Со всей её харизмой, весёлым юмором, ощущением лёгкости и радости бытия в её присутствии, со всем её непревзойдённым авторитетом учёного, эталоной порядочностью человека, на которого мы до сих пор, оглядываясь, равняемся.

Розалия Семёновна родилась в 1907 году в г. Козлове (позднее Мичуринске). За чертой оседлости. Это говорит о многом. Отец её, Семён Павлович Гинзбург, был работником некоей лесо-промышленной компании, мать – Сарра Абрамовна – акушеркой. Чтобы получить необходимое образование и диплом Сарре Абрамовне пришлось из Козлова пешком (!) пройти до Варшавы.

Семья была образованной. Розалия Семёновна часто вспоминала, что ей повезло родиться в семье с библиотекой. С детства она много читала и в 9 лет написала драму об Ироде (!). В гимназию девочка пошла в г. Воронеже, отлично и весело училась, имела массу друзей, многие из которых прошли с ней всю жизнь. По окончании гимназии, к тому времени превратившейся в «Единую Трудовую

Школу 2-ой ступени», в 16 лет она без разрешения родителей вышла замуж за самого яркого и весёлого члена их компании Шуру Шейнмана. Этот поступок определил многое в её жизни – родители сказали: «Раз ты такая самостоятельная, тебе следует понимать, что выйдя из родительской семьи, ты должна помогать своим родителям». И гордая девочка приняла условие – с 16 лет она должна была работать на свою семью и часть денег отдавать родителям. Работой было сначала репетиторство – первая работа будущего блестящего педагога. Ей самой помогал старший брат Гриша. «Он стал мне и братом и отцом и учителем. Я этого никогда не забываю», – говорила Розалия Семёновна. И всю жизнь Гриша был её обожаемым человеком, чью судьбу она несла как свою, и после его смерти была другом, помощником, опекуном и наставником его семье, его друзьям и детям его друзей.

«Я этого никогда не забываю» относилось и к соседям по г. Козлову, где маленькая девочка пережила еврейский погром. Соседи предупредили семью Гинзбург и спрятали у себя детей. Этот поступок не был забыт – долгое время Розалия Семёновна дружила с семьёй Богатырёвых и, когда в нелёгкое послевоенное время судьба повернулась спиной к семье честного и благородного человека, Розалия Семёновна помогала им, чем могла, и дети их одно время жили в семье Розалии Семёновны, невзирая на квартирную тесноту и скромный достаток.

Благодарность людям, встретившимся на её пути в критические моменты, готовность помогать друзьям и родственникам, умение создавать вокруг себя дружескую весёлую обстановку – черты, которые притягивали к ней людей. Выйдя как-то из больницы, она, вешая трубку телефона, со смехом сказала: «Вот, звонят друзья по палате». И для всех находилось время, добрый совет, (а звонили-то в основном за советом). Друзья вереницей следовали за ней после курортов, больниц, лекционных поездок по провинциальным ВУЗам и т.д.

Последующее образование относится к 20-ым годам, и всё дальнейшее образование было «без отрыва от производства». В списке рабоче-учебных мест переплетаются и Техникум иностранных языков, и Коммунистический университет трудящихся Востока, и Академия им Фрунзе, и Высшая дипломатическая школа, где Розалия Семёновна уже заведовала кафедрой.

«Ещё будучи в школе я занималась на курсах новых языков при Промэктехникуме и одновременно со школой окончила французское отделение этих курсов; в 1926г. – английское и в 1927г. немецкое и получила звание переводчика-корреспондента. Курсы эти были трёхгодичными, но я, усиленно работая, проходила весь курс в один

год. В 1926 г. я вышла замуж и в 1928 г. вместе с мужем переехала в Москву. Здесь я поступила на английское отделение высших курсов иностранных языков при Главнауке, которые окончила в 1930 г. (педагогическое и переводческое отделения). В этом же году на базе В.К.И.Я. был организован Московский Институт Новых Языков, куда я была принята на последний курс педагогического отделения (англ. яз.) В 1931г. я окончила М.И.Н.Я. и получила звание преподавателя английского языка. В 1938 г. была принята в аспирантуру МИФЛИ по кафедре романо-германского языкознания. В 1940 г. сдала кандидатские экзамены и в настоящее время работаю над диссертацией... Периодически работала в Коминтерне, Профинтерне, ВОКСе и Интуристе, на заводе и.м. Ворошилова и в НКПС в качестве переводчицы и преподавателя». (из Автобиографии 1940 года.) В Коммунистическом университете она встретила с интересным человеком – шотландской социалисткой мисс Эвой Сандерс, которой Розалия Семёновна обязана прекрасным знанием языка. Мисс Сандерс приехала в пореволюционную Россию из политических соображений и осталась до самых последних дней своей жизни в основном в роли преподавателя английского языка. Розалия Семёновна стала её пожизненным спутником и опекуном, поддерживала её в старости материально и в итоге даже похоронила её прах на семейном участке кладбища. Мисс Сандерс умерла в возрасте 92-х лет.

В аспирантские годы Розалия Семёновна училась под руководством А.И. Смирницкого, чей авторитет учёного и разносторонне образованного человека ставила очень высоко. Будучи в своё время ее аспирантами, мы по многим поводам слышали: «Александр Иванович в таких случаях говорил...». Критикуя наши нелогичные бессистемные ученические классификации, говорила или писала на полях наших опусов: «По Александру Ивановичу это классификация типа “женщины и французы”». Розалия Семёновна рассказывала, что на её защите Александр Иванович, выступая в роли научного руководителя, говорил об одних, с его точки зрения, недостатках, о том, чего в работе нет, а должно было бы быть, но завершил словами: «И всё-таки эту работу следует признать достойной потому, что это первая работа по семантике». С этого началась московская семантическая школа, к которой я имею честь и дерзость себя причислять. (Отдаю себе отчёт, что теперь это название закреплено за школой Ю.Д. Апресяна и И. Мельчука)

До и во время Великой Отечественной Войны Розалия Семёновна работала в Высшей Дипломатической Школе, заведовала английской кафедрой. «Я перечитала все курсы от истории языка, теорграмматики, теорфонетики, лексикологии и семантики вплоть до

литературы и истории Англии, и это было моей лучшей школой». (Уча, учусь!) И всем нам, её ученикам, советовала прочитать все теоретические курсы англистики. Вообще Розалия Семёновна считала, что «любить» один курс и «не любить» другой педагог не имеет права, – иначе это значило бы расписаться в своём незнании, того, что «не любишь».

17 мая 1941 г. 33 члена кафедры писали в статье по поводу 10-летия кафедры: *«Если сказать о Р.С. Гинзбург, что она прекрасный организатор, преданный своему делу преподаватель, талантливый молодой научный работник и хороший товарищ, то это будет всё верно, но будет недостаточно отражать сущность того, чем является она в нашей Школе. Вернее будет сказать, что она живёт работой и работа живёт ею, что она является душой нашей кафедры; работы, которую она сумела сделать продуманной, спаянной и интересной...»*

Руководя кафедрой, большинство членов которой значительно старше её, она проявляет столько интереса, чуткости и понимания к интересам и запросам каждого члена кафедры, столько тонкого такта при мелких неполадках, возникающих подчас в такой сложной организации, что в этом отношении она является достойным руководителем кафедры западных языков Высшей Дипломатической Школы НКВД... Она знает, что означает доверие – оно налагает на неё добавочные обязанности и, значит, новую ответственность, которую она берёт охотно на себя».

После войны Розалия Семёновна заведовала кафедрой Романогерманской филологии в МГУ. Как и всегда, она не ограничивалась только чтением курсов и аудиторными занятиями, она вела научный кружок по семантике, кружок «философские проблемы лингвистики», работала как пропагандист. Однажды, в 1953 году, процитировав «Блокнот агитатора» (а это было тогда официальное пособие для пропагандистов) о том, что «после войны в стране обострился национальный вопрос и в обществе стали проявляться мелкобуржуазные тенденции», по доносу одного из вездесущих стукачей Розалия Семёновна была обвинена... В чём тогда обвиняли? – В политической близорукости, бесхребётном космополитизме, использовании буржуазной пропаганды... и пр., и пр., и пр. Не слушая её пояснений, партийный комитет исключил Розалию Семёновну из партии и снял с работы. Это была настоящая трагедия. Кто сейчас помнит и понимает атмосферу того времени, могут понять градус и трагедийность ситуации. Но трезвый ум, логика, и абсолютная уверенность в своей правоте помогли Розалии Семёновне найти нужные пути, нужные слова, нужных людей, и... решение партко-

ма было отменено, и человек был восстановлен в должности. Что не помешало коллективу на следующих выборах не переизбрать своего завкафедрой на новый срок. Так Розалия Семёновна, на счастье нам, оказалась в МГПИИЯ им. М. Тореца. (Когда в юношеском нигилизме и прямолинейности, и нам пришлось с пеной у рта доказывать правоту своего видения, Розалия Семёновна на все наши жалобы сказала лишь: «Бороться надо уметь, и не лезть в воду, не зная броду»). Она умела).

На период работы Розалии Семёновны в МГПИИЯ им. М. Тореца приходится создание аспирантской семантической школы. На английском факультете в дополнение к аспирантско-студенческому кружку была создана секция лексикологии (потом по образцу возникли секции стилистики и грамматики). В отличие от одноимённых кафедр, секции занимались только вопросами теории языка и практикой обучения будущих учёных. Розалия Семёновна говорила: *«Аспирантура всего лишь очередная ступень образования. Поступить, написать диссертацию, окончить аспирантуру и защититься может каждый. Суть состоит в том, чтобы, защитившись, стать учёным»*. И она неустанно воспитывала учёных, начиная со студенческого научного кружка, где на скромном студенческом уровне делались пробы будущих аспирантских диссертаций. Студенты собирали начальный языковой материал и обучались его классификации. Розалия Семёновна делала на этом материале свои наблюдения, формулировала теоретические задачи для аспирантов. Это особый талант учёного видеть и формулировать научную проблему, тему работы. Надо сказать, что все работы её аспирантов были на передовой научной семантики, тогда ещё только пробивавшей путь на научную арену. Все защиты её аспирантов обычно бывали именно защитами, где нужно было отбиваться от присущих большинству консерватизма и компенсаторной агрессивности. Она удивительно умела использовать последние достижения лингвистики, и советские и иностранные, чтобы отталкиваясь от них, направить студента-аспиранта дальше вперёд. Под её руководством впервые на защитах зазвучали структурные методы в лингвистике: структурное моделирование, дистрибутивный анализ, статистические методы в семантике, компонентный анализ, компаративный метод, понятие словообразовательного значения, и т.п. Это сейчас можно получить любые современные работы со всего мира, а тогда и технически и политически всё это было вне досягаемости. Розалия Семёновна использовала доступные ей академические средства для получения валютной иностранной литературы, словарей и щедро делилась ими с коллегами и учениками. Так, нам раньше других

стала известна «Семантика» Ульмана, работы Фриза,.. стали доступны словари Вебстера, Харрапа, Ройма, Лаффалья, Барфилда, Торндайка... и даже англо-японский словарь словосочетаний.

Розалия Семёновна получала по подписке из Ленинской библиотеки и Библиотеки иностранной литературы подборки библиотечных карточек новых поступлений по семантике и смежным дисциплинам, раздавала их аспирантам на встрече кружка с обязательством проаннотировать и доложить на следующей встрече через неделю(!) для всех. Основной вопрос был, «как вы можете применить прочитанное к своей работе или кому из коллег это может быть полезно?». Таким образом, мы всегда были в курсе динамики научной мысли и знали, что, читая для себя, надо думать о других, параллельных с тобой работах, даже если они не совсем в русле твоего исследования. У Розалии Семёновны на письменном столе стоял картотечный ящик, где постоянно появлялись новые карточки с надписями «для Сары Соломоновны», «для А.В. Кунина», «для Юрь», «для Зинь», «для Аси» и т.д., и мы тоже должны были иметь такие каталожные ящики «для всех». Встретишь сноску, относящуюся к работе твоего со-аспиранта, – не забудь выписать и отдать тому, кому она может быть полезна. Так, работая над своей темой, ты думал широко в интересах друзей. Надо ли говорить, как это сближало людей, порождало чувство локтя и взаимной ответственности. Некоторые важные новинки докладывались на секции «для всех». Предварительно доклад, его структура, акценты обсуждались с Розалией Семёновной.

На секции обсуждались **все** аспирантские работы на **всех** уровнях готовности, но заработать право обсуждаться было не так-то легко. Пока напишешь главу или статью, семь потов сойдёт, десятки вариантов напишешь, чтобы они были критически прочитаны и несколько раз отвергнуты Розалией Семёновной. И лишь когда она решит, что к секции готов, секции достоин, можешь претендовать на внимание занятых людей, «которые готовы жертвовать своим временем, войти в суть твоих вопросов и помочь тебе» (Р.С.). И вот сидят все аспиранты всех курсов, преподаватели – члены секции, иногда приглашенные эксперты (в случае уже готовых работ, особенно, если предстояла серьёзная баталия). Начинается обсуждение с мнений и вопросов самых младших аспирантов- первокурсников. (Моё первое выступление в этой роли было коротким. Обсуждалась готовая диссертация Н.О. Волковой по проблемам синонимии с применением статистики. Я только и могла сказать, что вопросы задавать не смею, т.к. мало что поняла, но читая, думала, – неужели через три года я смогу написать нечто подобное. Такое нестандартное «участие»

вызвало лишь улыбку). Потом выступают второкурсники, за ними старшие, уже обученные, за ними руководители и, возможно, приглашённые. И ведь **все** прочли! А если ты не прочёл, – позор! «Вот, когда Вас не будут читать, тогда Вы поймёте, что это значит» (Р.С.) А допущенный к обсуждению на секции сидел и записывал замечания и вопросы. Их набиралось до полутора сотен – двухсот. Потом с Розалией Семёновной вместе «проходились» по вопросам, сортировали, объединяли повторявшиеся, обсуждали замечания. Какие-то принимались, какие-то нет, но надо было обосновать, почему нет. Вот так мы шли к защите, и все знали: если прошёл секцию, никакая защита не страшна – тебя уже отшлифовали. Так создавалась школа.

Розалия Семёновна часто приглашала интересных людей с их темами на кружок или на секцию. Так, у нас бывали Кома Иванов («очень одарённый мальчик. Следите за его работами. Он далеко пойдёт»), ещё не защитившийся Юра Апресян («это будущий очень большой учёный. Его работы читать обязательно»), Леночка Кубрякова, Вероника Телия из Института Языкознания, куда они попали сразу после МГУ, где в своё время были участниками такого же семинара под руководством Розалии Семёновны. Розалия Семёновна следила за карьерами своих бывших одарённых учеников, пыталась их связать со следующими поколениями, посылала новичков к ним на консультации. Так, увидев моё робкое структурное моделирование словосочетаний, она сказала: «Ну, с моделями это к Валентине Исидоровне (Перебейнос)», которая только что с боем победно защитила структурное исследование многозначности английского глагола. С тех пор мы с ней много сотрудничали и дружили.

Сдруживание своих учеников, как в науке, так и в быту имело свою систему и было составной частью школы-содружества. Я поехала после защиты диплома в Воронеж. Мне был дан адрес Б.С. Мазо с наказом пойти и отрекомендоваться. Я не торопилась, т.к. воспитана не обременять людей своими делами, так Белла Самуиловна сама нашла меня в общежитии ВГУ (ей тоже было, видимо, поручено опекать меня). Потом я часто посещала эту милую семью и до сих пор дружна с их дочерью Мариной Мазо, теперь уже профессором, прошедшей позднее ту же школу. При посещениях я всегда чувствовала, что на мне лежит отблеск авторитета и обаяния Розалии Семёновны, признание принадлежности к школе- семье, к клану. Это накладывало обязательства. В свою очередь мне было поручено принять участие в судьбе дипломницы Розалии Семёновны Люды Ерасовой, вышедшей замуж в Воронеж. Имея такой мощный общий корень, научный и человеческий, мы быстро сдружились и были

близки вплоть до самой кончины Люды в 2015 году. Мы обсуждали все научные проблемы с полным взаимопониманием и вообще говорили обо всём на одном языке. Как-то, думая об обширной и географически разбросанной школе, я мысленно увидела карту страны, на которой повсюду мне виделись улыбки людей – «птенцов гнезда Розалии Семёновны». И так этот образ сопровождает меня при воспоминании об Учителе и славной аспирантской поре, когда и где мы все обрели не только бесценный исследовательский опыт, научное мышление, которое даёт нам свободу плаванья в современном научном море, лёгкость понимания новых процессов, но и наградил нас роскошью дружбы и человеческого взаимопонимания.

Помимо секции и студенческо-аспирантских кружков Розалия Семёновна вела у нас философский семинар для лингвистов. Приглашались философы из Института Философии, говорили об основных категориях, о школах, новых течениях. Основной вопрос по завершении – как это может быть применено к вашему исследованию? Все работы её аспирантов имели философское обоснование, и отличались обоснованностью избранных методов.

В 60-70-х годах в МГПИИЯ активно действовала очень разумная система ФПК – факультет повышения квалификации для преподавателей из других ВУЗов, в основном из провинции. Розалия Семёновна там читала курс лексикологии и семантики. Её общая харизма, её ответственность лектора и настоящего распространителя знаний, её энтузиазм учёного не могли не привлечь наиболее любознательных и перспективных слушателей. Она давала им расширенные индивидуальные консультации, готовила к аспирантуре. Если до поступления в аспирантуру был ещё временной интервал, консультации и обучение продолжались у неё дома. И в результате, в аспирантуру поступали хорошо подготовленные люди со сданными кандидатскими экзаменами, которые использовали всё аспирантское время написание весомых и качественных диссертаций. Эта учительская щедрость вознаграждалась прекрасными работами и триумфальными защитами.

А сколько было в промежутке между научными разговорами интимных душеизлияний! У нас не было от Розалии Семёновны, кажется, никаких тайн. Многим эти разговоры облегчили трудности быта, семейных отношений. А сколько в этом было подспудного этического воспитания! Помню, как на возмущённое обывательское сетование одной аспирантки, что «в магазинах ничего нет», Розалия Семёновна спросила: «А что Вам было нужно? Что Вы искали?». Оказалось, «ничего, просто так ходила», – «Так вот ничего и не было». На невежливый отзыв другой о высокопоставленной особе, которую

по общей привычке называли Машкой, Розалия Семёновна сказала: «А ведь это холопство – за спиной, унижая, поносить барина. Это недостойно. Не стоит говорить за спиной о людях того, что Вы не можете сказать в лицо». (Сколько лет прошло, а став однажды свидетелем этих мимолётных разговоров, помню их, как сейчас).

Это были годы необычайного научного веса МГПИИЯ им М.Тореза. Там одновременно работали Г.В. Колшанский, Л.С. Бархударов, А.Я. Шайкевич, М.Д. Степанова, О.И. Маскальская, А.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, С.С. Хидекель, А.А. Санкин, А.В. Кунин, И.Р. Гальперин, и список этих имён можно было бы продолжить переводчиками, психологами, методистами, фонетистами, начинающими математическими лингвистами, не говоря уже о блестящих преподавателях языка, многие из которых были «носителями языка». Они все, вместе взятые, создавали славу институту. Это была удивительная когорта людей разных поколений, людей, прошедших и переживших войну, знавших и трагедии предвоенных периодов, стойких, надёжных, понимавших, какой ценой оплачены те прекрасные возможности, которые мы воспринимали как данность, как норму. И только потом поняли, что это было исключение.

На наше время пришёлся замечательный период системных и систематических конференций по основным вопросам лингвистики. Институт объявлял тему – *Язык как система. Уровни языковой системы и их единицы. Язык как знаковая система. Лингвистика текста...* Через год съезжались лингвисты всех рангов со всей страны, было много сумятицы, поднятые вопросы обсуждались со всех сторон вне зависимости от школы, уровня научного обобщения – такой всесоюзный *brainstorming*. Разъезжались с ощущением необходимости доисследовать, додумать, с видением новых задач. Несколько лет по всей стране обсуждалось «в едином порыве» намеченное конференцией, защищались диссертации, и к началу следующей конференции выходила коллективная монография, которую можно было уже считать учебником по данному вопросу. И новая конференция, и новый круг постижения истины по той же модели.

В этой атмосфере коллективного научного поиска росли и мы, зелёные, тогда, лингвисты. Посещение и участие в этих конференциях было для нас обязательным. На аргументацию, что «это не по моей теме», Розалия Семёновна отвечала – «Это гимнастика для ума. В чужих докладах могут родиться и ваши собственные соображения. Вообще-то всё это подходы к одному и тому же. Ракурс зрения иной. Ищите общее». На жалобы, что от слушанья с утра до вечера голова болит, следовал один насмешливый ответ: «Хорошо. Значит, голова работает. Постепенно привыкнет», – «Я ничего не по-

нимаю», – «Тем более надо ходить. Постепенно начнёте понимать, а так, никогда и не поймёте». После конференции секция отдельно обсуждала её итоги. Это была школа! Розалия Семёновна сама всегда выступала с весьма весомыми докладами, а на последнем курсе и нас подталкивала к активному участию.

Статьи и тезисы Розалии Семёновны в разных уровнях публикации расхватывались аспирантами, её и не только. Розалия Семёновна печаталась в ВУЗовских тематических сборниках, (все ВУЗы почитали за честь опубликовать её статью), в журналах «Иностранные языки в школе», «Русский язык в школе», «Вопросы преподавания в высшей школе». На консультации к ней приходили «чужие» аспиранты, но для неё «чужих» не было, никому не было отказано в консультациях. Часто приходили не только с научными вопросами, но и с этическими: «Как мне быть, я использую Вашу теорию и аргументацию, а мне запрещают (!) на Вас ссылаться?» (и такое бывало в нашем Эдеме). Ответ всегда бывал объективным: «Вы же занимаетесь наукой, а не личными отношениями. Я не претендую на исключительное авторство идеи – она принадлежит лингвистике, а как Вам поступить, вопрос внелингвистический. Решайте сами». И аспирант уходил со своей этической проблемой, решение которой становилось формой его самоанализа, заранее получив индульгенцию на слабость.

Научная работа Розалии Семёновны была многогранной. Ещё в 30-х годах в Учпедгизе ею был выпущен «Самоучитель английского языка»; а в 1932 даже пособие по теплотехнике для изучающих английский язык, т.к. она работала тогда и в Тепло-техническом институте. После смерти А.И. Смирницкого она вместе с О.С. Ахмановой посвятила много времени публикации его трудов – «Морфология английского языка», «Синтаксис английского языка», «История английского языка», «Хрестоматия по истории английского языка» вышли при активном её участии; работала с его архивом. Перебирая её преподавательский архив, нахожу в нём папки с текстиками, анекдотами на английском языке, которыми можно оживить урок, грамматическими упражнениями, перепечатанными на теперь уже совсем жёлтой бумаге, за которыми встаёт история, когда учебников не было, и хороший педагог сам подбирал весь учебный материал, распечатывал раздаточный материал, для чего надо было иметь, если не машинку, то машинистку (деньги платить – сегодня понятный аргумент), и множество библиотечных карточек, исписанных на обороте и собранных под скрепкой по темам, – примеры синонимии, перехода синонима в антоним, интересной многозначности, исторического изменения семантики

слова, конверсии, системного и внесистемного словообразования и т.д. Многие я узнаю, как примеры, использованные позднее в изумительном учебнике лексикологии – R.S. Ginsburg, S.S. Khidekel, G. Yu. Knyaseva, A.A. Sankin «A Course of Modern English Lexicology» (М., 1969), где Розалии Семёновне принадлежит вся семантическая часть. Подборы карточек использовались как примеры в лекциях, которые Розалия Семёновна «читала по карточкам» – текст лекции всегда варьировался в зависимости от уровня слушателей, а примеры были при ней, и перетасовывались по мере развития логики изложения.

Карточки использовались и на уроке языка. Для каждого студента была своя стопка под скрепкой или, потолще, под резинкой. Пока студент говорил, Розалия Семёновна «выхватывала» из его речи нужные частотные выражения, словосочетания, специфику предложного употребления, выписывала на карточку, собирала стопку под именем этого студента и на каждом уроке тасовала его индивидуальную колоду, добиваясь запоминания. (Разбудите меня ночью и спросите, как по-английски «угрожать выселением», – to threaten with eviction – 3 курс, урок газетной лексики).

Поскольку в то время уже в течение многих лет основным англо-русским словарём был словарь В.К. Мюллера, популярный и сегодня, Розалия Семёновна собрала команду лексикологов – знатоков английского языка из разных ВУЗов, и они задались целью составления нового словаря, основанного на новых принципах понимания семантики слова, с акцентом на его употребление, сочетаемость, асимметричность английских и русских способов выражения эквивалентных смыслов. Это тот знаменитый БАРС (мне нравится его мужественное звучание!), который вышел в 2-х томах сначала под редакцией Э.М. Медниковой и «общем руководстве проф И.Р. Гальперина», потом под редакцией И.Р. Гальперина, а в дальнейшем под редакцией Ю.Д. Апресяна, дополненным на целый третий том. Словарь остаётся до сих пор лучшим англо-русским словарём российского производства; щедрое Введение раскрывало не только особенность словаря, но и излагало, в связи со Словарём, самую современную на тот момент теорию семантики и стилистики английского языка. В нём Розалии Семёновне в соавторстве с Амосовой и Ю.Д. Апресяном принадлежит самая объёмная буква английского алфавита, буква **S**, в соавторстве с Э.М. Медниковой буквы **B** и **H**, а изначально – принципы разработки семантической структуры слова, отбор словника, принципы составления всего словаря. Я помню, как летами у Розалии Семёновны на даче собиралась вся команда или отдельные авторы, в зависимости от того,

какая буква обсуждалась, и вместе с редактором или корректором днями напролёт, с перерывом на весёлый дружеский обед на веранде дачи, шла углублённая работа над каждым словом. Участники жили на этой даче и так проводили свой «отпуск». Предварительной пробой этого словаря было пособие для учителей «Глагольные словосочетания в современном английском языке» (М.: Просвещение, 1975), построенный на основе структуры словосочетаний, которые появлялись в каждом отдельном значении по мере их структурного усложнения. А затем появился «Англо-русский словарь глагольных словосочетаний» (М.: Русский язык, 1976), выдержавший три издания. Предисловие к этому Словарю является фактически изложением теории словосочетания. Исследование, создание и становление теории словосочетаний, как одной из основных единиц языковой системы, наравне со словом, морфемой и фонемой – это целая эпоха в российской англистике.

Недавно мне попало английское издание польского словарика адъективно-именных и адвербиально-глагольных словосочетаний («Dictionary of selected collocations», C.D. Kozłowska and H. Dzierzanowska, LTP, London, 1997), представленных просто списком, без какой-либо лексикологической разработки. В предисловии от издательства было сказано, что словарь публикуется в качестве признания приоритета восточно-европейской лингвистики, «которая осознала важность словосочетаний значительно раньше нас на Западе». (Мало же они знают, что делается в наших школах!) Хотя это не совсем правильно. Как обычно, нет пророка в своём отечестве, – основы были заложены ещё знаменитыми педагогами М. West (в 30-х годах) и A.S. Hornby (в 40-х годах), на которых уже и не ссылаются, а для нас, через Розалию Семёновну, они были праотцами. Приехав миссионерами соответственно в Японию и Китай, они осознали, что прежде чем нести слово божье, нужно обрести общий язык с паствой. И они стали выдающимися преподавателями, открывшими многие семантические и структурные закономерности словаря и его преподавания. Их словари – М. West «A dictionary of 20 000 words with their semantic frequencies» и A.S. Hornby «Advanced learner's dictionary of the English language» – были для нас очень крупными авторитетами. Наше научное возмужание выпало на становление основы теории словосочетаний под руководством Розалии Семёновны. Теперь это всё прописные истины, вошедшие в учебник, кочуют из учебника в учебник (Розалия Семёновна была бы рада такому утверждению), а тогда, в 60-70 годах, эта теория ещё только формировалась, не без трений, в работах наших аспирантов и их руководителей.

Как системно мыслящий человек, привыкший всё доводить до логического конца, Розалия Семёновна видела завершение исследования в перенесении результатов работы на большие массивы лексики, в систематизации словаря. Так появился «Словарь глагольных словосочетаний», «Словарь адъективных словосочетаний» Ц.С. Горелик. Большая часть диссертаций её аспирантов имела приложения в виде словаря.

В 1970 году состоялся всемирный конгресс лингвистов, на который впервые выехала довольно значительная делегация наших лингвистов. Розалия Семёновна выступала там с докладом. С конгресса она приехала с идеей о создании англо-русского словаря словосочетаний и большим количеством личных контактов с передовыми учёными того времени. (Время после конгресса отмечено в её архиве большим количеством авторских оттисков с уважительными дарственными надписями от ведущих лингвистов той поры.) О словаре словосочетаний она говорила со смехом, приговаривая, что это не под силу нам, т.к. требует слишком большой выборки, большого труда и времени – «необъятный объём работы, но очень хочется». Не надо забывать, что это было в эпоху ручного труда – расписывание аутентичных текстов на отдельные примеры для дальнейшей обработки и систематизации, тоже вручную. Помню, как однажды у Розалии Семёновны были в гостях «мальчики из Пскова». Они занимались созданием читающей машины для слепых. Не хватало какой-то детали. Розалия Семёновна интересовалась, сколько стоит деталь, где можно достать, готова была помогать, понимая, что читающая машина нужна и нам для расписывания текстов. Это было ещё до сканеров, принтеров и компьютеров, а мысль талантливых «мальчиков» бежала вперёд, и Розалия Семёновна ими восхищалась, входила в суть дела, стремилась помочь. На сетования Розалии Семёновны, что хорошую, здравую и современную идею невозможно реализовать, Валентина Исидоровна Перебейнос, недавняя аспирантка, к тому времени уже доктор наук, специалист по статистическим методам в лингвистике, сказала: «Почему невозможно?». Ей оказалось, всё по плечу. Кликнули клич по «всей стране великой». И отозвались жаждущие научного совместного творчества 29 коллективов из 22 городов. Мы собирались два раза в год, в каникулы(!), зимние и летние. Все сначала прослушали курс Розалии Семёновны по теории словосочетаний, о задачах словаря. Валентина Исидоровна уже к первой встрече составила словник, составила список литературы для расписывания, статистически рассчитала объём выборки. В течение нескольких лет приезжали со всех концов страны с чемоданами карточек, вместе их сортиро-

вали, расписывали по моделям, систематизировали, попутно решали какие-то возникавшие теоретические вопросы. В МГПИИЯ им. М. Тореца по всем коридорам появились стеллажи, уставленные бесконечными картотечными коробками с нашими карточками. (Попробуйте-ка добиться одного этого!). От семинара к семинару эти карточки правили, снова систематизировали.... Это был колоссальный ручной труд! Образцом такого способа работы послужила история создания Оксфордского словаря английского языка (OED). Такая ручная работа имеет и свои преимущества: когда материал у вас в руках, вы видите все лингвистические проблемы. Все «почему», и «каким образом», и «сколько» у вас в руках и перед глазами. Темы рождаются как бы «сами по себе». В оплату этого гигантского и бескорыстного труда Розалия Семёновна, Сара Соломоновна и Валентина Исидоровна давали участникам столь же бескорыстные консультации. В итоге из-под их руководства, без всякой аспирантуры, из числа нашего замечательного коллектива вышло около тридцати кандидатских диссертаций. При сегодняшних технических возможностях, при наличии многочисленных баз данных, все эти усилия кажутся невероятными. На современном фоне этот процесс выглядит ещё более впечатляющим. Но современные лингвисты, имея составленные уже кем-то базы данных, не имея в руках «сырого» материала, не видят лингвистической проблематики. Поэтому акцент работы лингвистов сместился в сторону «машинь» и её программирования. Я не хочу сказать, что это плохо. Это другое. Другая эра, другие средства, другие задачи, другие лингвисты.

Обилие собранного материала, отсутствие техники заставило нас сократить до словаря, который через много лет вышел под заглавием «Морфология и функционирование английского глагола», изд-во РГГУ, 1997 г. Словарь, в котором глаголы представлены во всех своих морфологических формах с частотными показателями их употребительности в пяти функциональных стилях, но этого словаря Розалия Семёновна уже не увидела. Последней её собственной работой был очерк «Методы лингвистического анализа», в котором она считала необходимым систематизировать методологию и методику лингвистического анализа для будущих учёных. Он вошёл во второе издание учебника лексикологии. (М, 1978). Розалии Семёновне принадлежит также идея о «скрытых семантических категориях и способах семантического развёртывания слова», разработанная в диссертациях её последних аспирантов. Их у неё было 51 «родных»! Не считая, так называемых, «двоюродных»! А таковыми были почти все, проходившие через секцию.

По сегодняшним индивидуалистическим временам Розалия Семёновна была «лишь» кандидатом филологических наук. На вопрос, почему она не защищает докторскую диссертацию, она ответила: «На защиту докторской мне нужен год (!) времени. Мне это мало что даст. За это время я гораздо больше пользы принесу вам». Для нас она была Учёным величайшего уровня, без всякой этой бюрократии. (А.А. Реформатскому тоже ничто не помешало быть великим учёным вообще без всяких защит).

Завершая свои воспоминания, в которые уместилась лишь некоторая часть того, что рисуется в сознании при упоминании дорогого имени, я хотела бы сказать и о её гражданской позиции. Я уже говорила, что сейчас она мне видится на фоне её поколения, которое в лице лучших своих представителей, несло на себе осознанную ответственность за судьбы страны, за создание научно мыслящих и этически зрелых граждан, за продвижение передовых не только научных, но и гражданственно ориентированных созидательных идей. Сама она в этих аспектах была для нас идеалом. В их время такая позиция была связана с идеями коммунизма в лучшем смысле этого слова. И Розалия Семёновна была образцовым коммунистом, понимавшим свою роль в создании государства. Не меньше! Сегодня это непопулярная тема. Но чтобы понимать истинное значение этих людей, надо было знать их, чтобы сегодня не стыдиться их идеологии, а гордиться их вкладом в наше образование и воспитание, в наше умение объективно видеть историю. Розалия Семёновна хотела, чтобы её ученики и в этом вопросе следовали за ней. Она всячески настаивала на моём членстве в партии, но я, при зрелых других настроениях, послушная своему времени, с ней не соглашалась. Уже на смертном одре Розалия Семёновна мне сказала: «Вы знаете, что вы меня очень обидели тем, что отказались вступить в партию?». Хочется думать, что это была её последняя попытка подвигнуть меня в желанном ей направлении. И я, безусловно, состою в «партии Розалии Семёновны», числю себя под её знамёнами.

Под руководством Розалии Семёновны, этой чрезвычайно харизматичной личности, мы прошли высшую школу научного, этического, гражданского, идеологического опыта и человеческих отношений. Боюсь, что со всей глубиной и искренностью меня могут понять только те, кто имел честь и счастье жить и работать под её влиянием и руководством. Личности, подобные ей, творят Историю.